

Rebbe Menachem Mendel Schneerson

BRINGING
HEAVEN
DOWN
TO EARTH

*365 meditations
from the teaching of the rebe*

Interpreted and compiled by
TZVI FREEMAN

Содержание

<i>От составителя</i>	7
Слияние	13
Цель. Свет	23
Природа и чудесное	31
Весь мир — мой учитель	41
Строить жизнь	51
Борьба.	69
От отчаяния к радости	79
Каменные стены.	89
Возвращение домой.	99
Исцеление	105
Вырвавшись на свободу	111
Правда	127
Высшая жизнь.	135
Мы — единое целое	141
Прекрасные дела	155
Между женщиной и мужчиной.	163
Дети.	171
Все дети Ноаха	177
Проект творения	183
Вера и интеллект	193

Наука и технология	203
Связь с цадиком	209
Дни наступают	217
Передача	227
Дополнения	233

От составителя

Никто не может поднять себя над землей за волосы, пленнику не освободиться из темницы без посторонней помощи, без того, кто уже свободен.

Я искал в юности, кто повел бы меня за собой, — учителя, наставника, гуру, неважно, как бы он назывался. Но кто поведет тебя искать твою собственную дорогу?

Моя дорога походила на путь оленя в лесу — я шел, перепрыгивая, проскальзывая, продираясь, держась в стороне от широкой тропы, по которой шли все.

В 15 лет я бросил школу, хотя за год до этого был включен в число претендентов на медаль и, по всем данным, мог быть назван лучшим учеником школы. Но меня больше не интересовал кем-то установленный порядок.

Родители заявили мне, что я должен по крайней мере получить среднее образование. Найдя колледж, разрешивший мне сдать экзамены экстерном весной, я выиграл два года. По этому поводу отец сказал, что я заработал право свободно общаться со всеми подонками.

В начале 1970-х годов в Ванкувере, канадском Сан-Франциско, как его называют, я давал уроки гитары и организовал «Анархистскую Дискуссионную Группу Свободного Университета». Я изучал тайджи, йогу, стал убежденным вегетарианцем, посещал бесчисленные «группы встреч». Объездил автостопом Канаду и США, Израиль, Европу. Повстречал блуждающие души, перемещающиеся по таким тропинкам, о которых раньше не имел ни малейшего представления.

Мой кругозор расширился, но душа оставалась пустой и по-прежнему чего-то жаждала. Все, что я видел, не привлекало меня. Когда ты ищешь, неважно где, ты найдешь себя в самом конце.

Я пришел к выводу, что необходимо научиться что-то делать, решил, что для меня этим «что-то» будет музыка, и обратился к известной в Ванкувере преподавательнице. После нескольких уроков она посоветовала мне отправиться в музыкальный колледж Университета Британской Колумбии. Мне не показалось, что это именно то, к чему я стремился, но ведь я должен был чему-то научиться. Одновременно я стал серьезно заниматься медитацией, изучать йогу. Значительное впечатление на меня произвел Лао Цзы.

Но душа моя по-прежнему была пустой. Я подумывал, не затвориться ли мне на несколько лет в монастыре Дзен. Конфликт духовного с чувственным, роста метафизического и материального разрывал меня на части. Я не находил никакого пути, лишь путаницу. Я молился всем сердцем — не ради ответа, не ради откровения, только для того, чтобы излить душу, поговорить с моим Богом, в столь сложном, перекрученном мире говорить с Ним искренне было очень трудно.

Если рыба попадает в океан, ей следует плыть, уходить в его глубины. Впервые услышав о хасидском мистицизме, я понял очень немного из него. Но это было не так важно.

Для жителя страны, где несколько поколений не видели дождя, дождь — чудо, но почва хранила в себе память о нем. То, что было чуждо моему уму, казалось родным моему нутру.

Волны родных вод явились ко мне от приехавшего ученика Ребе. Он объяснил мне, что наша цель — увидеть Божественность в каждом Его создании. Я почувствовал, что за этими словами стоит гораздо больше, чем может показаться в первый момент, что за ними по меньшей мере тысячелетия мудрости и красоты, созданных многими поколениями.

Я поинтересовался, кто учит этому, кто может мне это объяснить. Так я узнал о живущем в Нью-Йорке Ребе, Любавичском Ребе. Я узнал, что под этим титулом всему еврейскому миру известен рабби Менахем-Мендл Шнеерсон. Еще в детстве наряду с Торой, Талмудом и хасидизмом будущий Ребе изучал науки и языки. Уже в юности, овладев английским, итальянским, французским, грузинским и латынью, он отправился углублять свои знания в университеты Берлина и Сорбонны. Покинув оккупированную Францию, он некоторое время был инженером в Военно-морском флоте США и отмечен как «специалист». Когда в 1950 году скончался предыдущий Любавичский Ребе, хасиды обратились к его зятю. Рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, хотя и одевался современнее большинства хасидов и избегал известности, зарекомендовал себя гениальным знатоком Торы и бесспорным лидером. Стать этим лидером официально он согласился при условии: «Я помогу вам, но каждый из вас должен принять на себя свою миссию. Не вздумайте цепляться за края моего молитвенного покрывала».

Первой моей реакцией на этого человека было воодушевление. Я хотел узнать о нем как можно больше. Друзья, родственники, знакомые пытались меня охладить, говорили, что я создаю себе кумира, что я непременно потеряю независимость и силу мысли.

Мой разум не мог не согласиться с этим. Куда подевалась моя уверенность в том, что в философии должен царить анархизм? Ведь именно из-за этого анархизма я не мог сделать ни за одним гуру больше нескольких шагов, я искал собственный путь и вовсе не был готов быть поглощенным чьим-то, пусть даже большим, «эго».

Конфликт между моим воодушевлением и анархизмом длился довольно долго. Бывает, ты что-то чувствуешь нутром, но твое «я» и твой разум отказываются следовать за внутренним знанием.

Тем не менее я стал хасидом Ребе, сохранив при этом свое «я». Ребе нисколько не походил на деспотичных демагогов, так пугающих меня. Во-первых, никаких ловушек, расставленных для ищущих духовную пищу. Никаких торжественных развевающихся одежд, великолепных поместий, личного самолета и тому подобных вещей, сопутствующих «выдающейся» личности. Скромный дом, обставленный со вкусом, простой кабинет, никаких внешних отличий Ребе от его учеников. Он не стремится поражать, подчеркивать свое «я», он — мастер простоты. Ребе светился Божественностью своей души, не стараясь подчеркивать собственную значительность, и благодаря этому мог вести за собой других, не подавляя их.

Три раза в неделю Ребе проводил аудиенции. Помимо любавичских хасидов, к нему приходили самые разные люди — еврейские деятели, бизнесмены, ученые, политики, журналисты, многие ждали своей очереди, скажем, в два часа ночи. Ребе тепло встречал каждого, давал советы тем, кто в них нуждался, благословлял всех без исключения.

Прием начинался в восемь часов вечера и, как правило, продолжался до рассвета. Однажды Ребе вынужден был прервать прием в половине одиннадцатого утра, чтобы совершить утреннюю молитву. На следующую ночь были назначены новые плановые встречи. Секретарь предложил

Ребе отложить аудиенции, чтобы отдохнуть. Ребе возразил, что не может отказать людям, которые так долго его ждали. Он работал весь день, как обычно, а вечерний прием продолжался до одиннадцати часов следующего утра.

Что касается моего мятежного духа, то неожиданно для себя я нашел бунтовщика и в Ребе. Можно сказать, что ты не подчиняешься Ребе, ты просто бунтуешь вместе с ним. В давней традиции Любавичских Ребе заложено то, что мир не так чудовищен, как это представляется, и следует доверять не тому, что видишь, а тому, что чувствует твоя душа.

Ребе был одновременно и мятежник, и ортодокс. В 1960-х годах многие возмущались новым поколением, говорили: «Это потерянное поколение! Студенты бунтуют! Хиппи и выродки!» Ребе разглядел в происходящем нечто иное: «Наконец американский айсберг начал таять, наконец наша молодежь протестует против приспособленчества, разбивает божков своих отцов, важно только, чтобы они пришли к живой воде предков». Ребе предложил своим хасидам выйти к еврейской молодежи, привести ее к своим корням. Это было революционное начинание. В течение нескольких лет оно вызывало лишь смех у скептиков, но когда стратегия стала оправдываться, смеющиеся вскочили на уходящий поезд.

«К этому я привык, — говорил Ребе. — В юности там, в России, я был единственным членом семьи, который говорил по-русски, и поэтому именно меня чаще всего вызывали на допросы в соответствующие органы. Они смеялись и издевались надо мной, но я не считал нужным обращать на это внимание. И сейчас не стану».

Подход к руководству организацией у Ребе был необычным. В Любавичском движении действия должны были исходить снизу. Редко, очень редко Ребе требовал что-то сделать. Обычно он лишь советовал. Он ждал, что хасиды возьмут на себя инициативу. Не раз ему приходилось от-

вергать планы создания строгой иерархии в организации: «Каждый должен найти себе наставника, и каждый наставник — своего!»

Ребе не хотел иметь слепых последователей, ему нужны были соратники, готовые стать руководителями, способными бунтовать вместе с ним.

Когда в 1977 году во время праздника Симхат Тора у Ребе случился сердечный приступ, он месяц находился под наблюдением врачей. Доктора отметили, что для здоровья Ребе ему лучше заниматься его любимым делом — изучением Торы, чем знакомиться с корреспонденцией, письмами тысяч попавших в беду людей, просивших совета и благословения, поскольку его сердце крайне болезненно реагировало на горести людей. Когда врачи пытались оградить его от этого вида деятельности, он протестовал: «Вы пытаетесь лишить меня источника моих жизненных сил!»

Все это я рассказываю, не рассчитывая на значительный успех. Пока вы будете чувствовать себя сторонними наблюдателями, я не смогу объяснить вам, что такое Ребе и что такое хасид, каковы их взаимоотношения. Это глубокая внутренняя связь, чувства, которые трудно выразить словами.

Перед вами моя книга. Да, Ребе уже пять лет физически не с нами, но его духовная связь с нашим поколением жива и крепче, чем когда-либо. Читая эту книгу, быть может, вы почувствуете это.

Знаменитый писатель, посетивший Ребе, выйдя из его кабинета, обратился к хасидам с обвинением: «Вы воры! Вы обокрали весь мир! Сделали Ребе только своим достоянием, словно он — Ребе только для любавичских хасидов, но ведь он — Ребе для всего мира!»

Давайте вернем его миру вместе!

Цви Фриман
Ванкувер, Канада

Слияние

Учение Ребе не есть лишь собрание красивых мыслей и советов, так же, как год — не просто сумма 365 дней.

Это учение создает единство того, что вращается вокруг одной глобальной концепции: слияние самых возвышенных духовных высот с земной реальностью. Или, словами Ребе, «высшего с низшим».

Концепция не только смелая, но и мощная: она означает, что, оставаясь самим собой, пребывая «внизу, на земле», мы тем не менее можем выполнять трансцендентальную задачу. Это значит, что нам не следует чего-то избегать, более того, не стоит даже допускать мысли, что мы должны чего-то избегать.

Мы не стремимся покинуть этот мир, чтобы присоединиться к высшему. Вместо этого мы пытаемся слить их. Наше дело — не «попасть на небо», а добиться слияния неба с землей.

I

В начале всего Небо было здесь, на Земле.

Именно физическая плоскость более, чем любой из высших духовных миров, была вместилищем Божественного Присутствия.

Но шаг за шагом Человек грехом Древа Познания, грехом братоубийства, всем тем, что, в общем-то, присуще людям, изгнал Божественное Присутствие из Его дома.

Поскольку Человек изгнал Его, только Человеку дано Его вернуть. И это начал Аврагам, провозгласив Единство и Единственность для всех миров.

Мы закончим это. Наше поколение вернет Небо на Землю.

2

У каждого поколения своя роль в истории. Предшествующие поколения оставили нам в наследство богатство мыслей: грезы о философии, истине, мудрости и предназначении. Мы — карлики, стоящие на плечах идей наших

предков и их благородных дел. Судьба и обязанность нашего поколения — материализовать мечту.

3

Тот, кто изучал каббалу, знает: помимо нашего мира и миров ангелов, существует бесчисленное множество других, полных Божественного света, красоты и единства миров.

Но другое знание не менее важно — все это создано с единственной целью: Господь хочет обрести пристанище в нашем, земном мире.

4

Животные не смотрят на звезды, ангелы прикованы к царству духов, Человек же — мост Господа между землей и небом. Наши тела сделаны из праха, наши души — из сущности Бога. Только мы можем смотреть на материальный мир и видеть духовную жизнь, красоту. Мы, находящиеся и вне неба, и вне земли, вне формы и материи, вне тела и духа, — только мы можем их соединить.

5

Дерево говорит Человеку: «Я нечто, я здесь, и я всегда было здесь. Я лишь то, что здесь».

Человек, подумав, отвечает: «Нет, ты — “дерево”, я даю тебе имя, ты обладаешь красотой, и ты обладаешь душой. Ты показываешь наверх и говоришь: “Там, наверху, нечто высшее, там Единый, который дал мне жизнь и который поддерживает ее”».

Человек продолжал так, пока все создания не преклонились перед ним.

Только Человек может сделать то, чего ангелам не дано. Только он может открыть духовное в материальном.

6

Они изгнали Бога.

Они объявили Его слишком священным, слишком совершенным для нашего мира. Они пришли к выводу, что Он не принадлежит обыкновенному, повседневному ходу событий.

Таким образом они выдворили Его из Его сада в царство молитв, медитации, в святилище и уединенные кельи отшельников.

Отправив Бога в изгнание, они оставили Его создания в холодной темнице.

И Он просит: «Верните Меня в Мой сад, туда, где Я пребывал в начале всего».

7

Есть люди, которые творят много добра, но делают это с тоской, потому что воспринимают мир как изначально нехорошее место.

Они делают добро, но без света и жизненной силы — без энтузиазма. Кто знает, сколько оно продержится?

Нам следует понять, что мир, окружающий нас, — не темный лес, а сад, и не просто сад, а сад, доставляющий радость Самому Богу, полный красоты, чудесных плодов и ароматов, место, где Бог желает быть всем Своим существом. Мы лишь должны пробиться сквозь шипы, скорлупу и шелуху, чтобы открыть плод.

8

Чем нечто пребывает выше, тем ниже оно может упасть. Это относится и к высочайшим откровениям, которые вынуждены пребывать в самых низменных местах.

Поэтому, оказавшись в месте, на первый взгляд совершенно лишенном духовности, не отчаивайтесь: в самой низшей точке можно достичь высоты.

9

Конечная цель создания всех миров — в низшей, наиболее «земной», материальной области. Строение не поднять сверху, следует действовать снизу.

10

Бог — не просто велик, Он бесконечен. Будь Он только велик, мелкое было бы от Него дальше, а крупное ближе. Но для бесконечности нет «большого» и «малого». Он — везде, и Его можно найти там, где Он желает быть найденным.

11

Впервые попав в ешиву, я с головой погрузился в новый для меня мир и вскоре понял, что теряю равновесие. Именно тогда я услышал слова Ребе, которые послужили мне проводником.

Талмуд рассказывает, что «...четверо вошли в сад (мистические тайны). Один умер, другой помешался, третий стал еретиком. Рабби Акива вошел с миром и вышел с миром».

Почему рабби Акива смог уйти с миром? Потому, что он вошел с миром — примирил духовное с материальным, душу с телом, увидел цель и того и другого. Входя в духовное, он знал, что вернется в материальное, а вернувшись в материальное, принес с собой духовный мир.

12

Каждый человек — это микрокосм, модель всего творения. Устанавливая гармонию между своей Божественной душой и своей материальной жизнью, он привносит гармонию между небом и землей.

13

Рабби Шнеур-Залман из Ляд, основатель школы Хабад, любавичского хасидизма, вел службу в Йом Кипур, самый священный день года. Завернувшись в молитвенное покрывало, он был глубоко погружен в очищение души. Каждое слово его молитвы было подобно огню, мелодия произносимых им слов и пыл, с которым они произносились, повергали всех присутствующих в высочайшие и глубочайшие полеты духа.

Вдруг он замолчал, повернулся, сбросил покрывало и вышел из синагоги. Он быстро дошел до окраины городка, где из темной лачуги раздавался крик новорожденного. Ребе вошел туда, наколот дров и растопил печь, сварил суп для матери и ребенка, беспомощно лежавших в кровати. Затем он вернулся в синагогу и продолжил свои полные экстаза молитвы.

Обратите внимание, Ребе сбросил покрывало. Помогая кому-нибудь, оставьте свой мир молитв, размышлений и войдите в

мир ближнего. Нельзя помочь, находясь наверху, это возможно только изнутри.

14

В древней Книге Создания сказано: «Если твое сердце рвется вперед, вернись к Единому».

Бывает, что вы охвачены вдохновением, поднимаясь над обыденностью повседневной жизни. В такие минуты следует «вернуться к Единому» — к единству неба и земли. Необходимо воспользоваться этим возвышенным состоянием и позаботиться о том, чтобы оно отразилось на земной жизни.

15

Сначала был Один. Покоя, мира не было, ибо не с кем было мириться, был только Он.

Затем появился еще кто-то, появилось множество. С тех пор, протянувшись во всех направлениях, существует бесконечная какофония.

На третий день Бог создал покой, мир. Мир — не однообразие, пребывать в мире вовсе не означает мыслить одинаково. Мир — это когда множество находит высшее Единство.

16

Известны три способа объединить противников.

По первому из них применяют силу, превосходящую силы противоборствующих сторон, заставляя их подчиниться. Когда они окажутся под влиянием силы извне, между ними

воцарится мир. Но сущность вовсе не в мире, эта сущность просто игнорируется.

Второй способ сводится к тому, чтобы найти компромисс, среднюю точку, общую для обеих сторон. В результате они будут жить мирно в тех областях, где их интересы совпадут, но в остальной части их существования, вне этой средней точки, они будут так же разъединены и далеки друг от друга, как и ранее.

Третий способ — это путь Торы. Необходимо обнажить тот факт, что сущность всех созданий, в том числе и данных противоборствующих сторон, одна и та же. Тора примиряет духовное с материальным, подчеркивая, что истинной сущностью всех творений является Единство Творца.

I7

В начале своего пребывания в среде любавичских хасидов я встретил музыканта, с которым мы стали вместе играть и вскоре создали первую в истории хасидскую группу тяжелого рока, назвав ее «Группой Бааль-Шем-Това». Значительно переработав традиционные хасидские мелодии, мы играли в ритме и стиле рока. В весьма популярном американском издании «Village Voice» о нас было написано, что мы «наэлектризованы». К нам присоединился и марокканский еврей, ударник и вокалист из одной известной французской группы, который поведал нам, как он впервые явился на аудиенцию к Ребе. Явился он, украшенный бусами и монетами, с волосами до пят, сказал, что решил бросить музыку и вернуться к религиозной жизни своего детства.

Ребе неожиданно заявил ему:

— Нет ничего случайного, все имеет свою цель. Все, что встречалось на вашем пути, если только это не окончатель-

ное зло, содержит Божественность. Вы, конечно, можете использовать музыку, вашу «рок-музыку», для доброго дела, возвысив таким образом мир рока.